

Rapports

du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave

Bratislava 7—14 septembre 1975

Tome 2

Tirage à part

VEDA - VYDAVATELSTVO SLOVENSKEJ AKADEMIE VIED
BRATISLAVA 1980

Некоторые проблемы хронологии черняховской культуры и истории ранних славян

Марк Б. Шукин

В 50^е–60^е годы в советской археологии усиленно дискуссировалась проблема этнической атрибуции черняховской культуры.¹ Ряд исследователей, видя территориальное совпадение ареала этой культуры и письменных свидетельств середины VI в. в распространении племенного союза антов «от Данастра до Данапра»,² усматривал в ней археологическое выражение этого союза племен.³ Наличие же хронологического несоответствия ликвидировалось включением в состав черняховской культуры группы памятников типа так называемых «древностей антов» А. А. Спицына,⁴ представленных кладами вроде Мартыновского и Малоржавецкого и некоторыми единичными находками. Стремались они также омолодить датировки некоторых предметов черняховской культуры (фибул с высоким держателем иглы, амфоры из Ягнятина и т. д.).⁵ Несостоятельность этих попыток была в свое время убедительно продемонстрирована Д. Т. Березовцом⁶ и в ряде других работ.

С выявлением мощного пласта раннеславянских поселений VI–VII вв. с керамикой «пражского типа» в этом же ареале⁸ были найдены поселенческие древности, синхронные кладам «древностей антов», и попытки решения проблемы антов омоложением черняховской культуры утратили свой смысл. В среде черняхововедов сохранились разногласия в определении хронологических рамок этой культуры, сводившиеся лишь к двум точкам зрения. Существовала ли она на протяжении II–V вв. или только в III–IV вв.? Суть этих разногласий, как я пытался уже однажды показать, носит методологический характер.⁹

Сегодня, когда благодаря усилиям многих исследователей, разработана более строгая и достаточно стройная система хронологии европейских древностей римского времени и эпохи переселения народов,¹⁰ есть возможность более точно и более надежно определить и хронологическую позицию черняховской культуры.

Если сопоставлять материалы черняховской культуры с хронологической системой Эггерса-Годловского, то получится, что начало формирования этой культуры приходится на последние десятилетия II – первые десятилетия III вв. Лишь немногочисленные находки могут быть отнесены к стадии С₁ и полностью отсутствуют вещи, диагностирующие стадию В₂, хотя они и представлены на территории, где эта культура позже распространится, но в памятниках другого круга, преимущественно в сарматских погребениях. В сформировавшемся виде черняховская культура представлена только начиная со стадии С₂, то есть с 60^х–70^х гг. III в. Расцвет и наибольшее территориальное распространение ее приходится на стадии С₃ и Д.¹¹

На вопросе о верхней хронологической границе черняховской культуры сле-

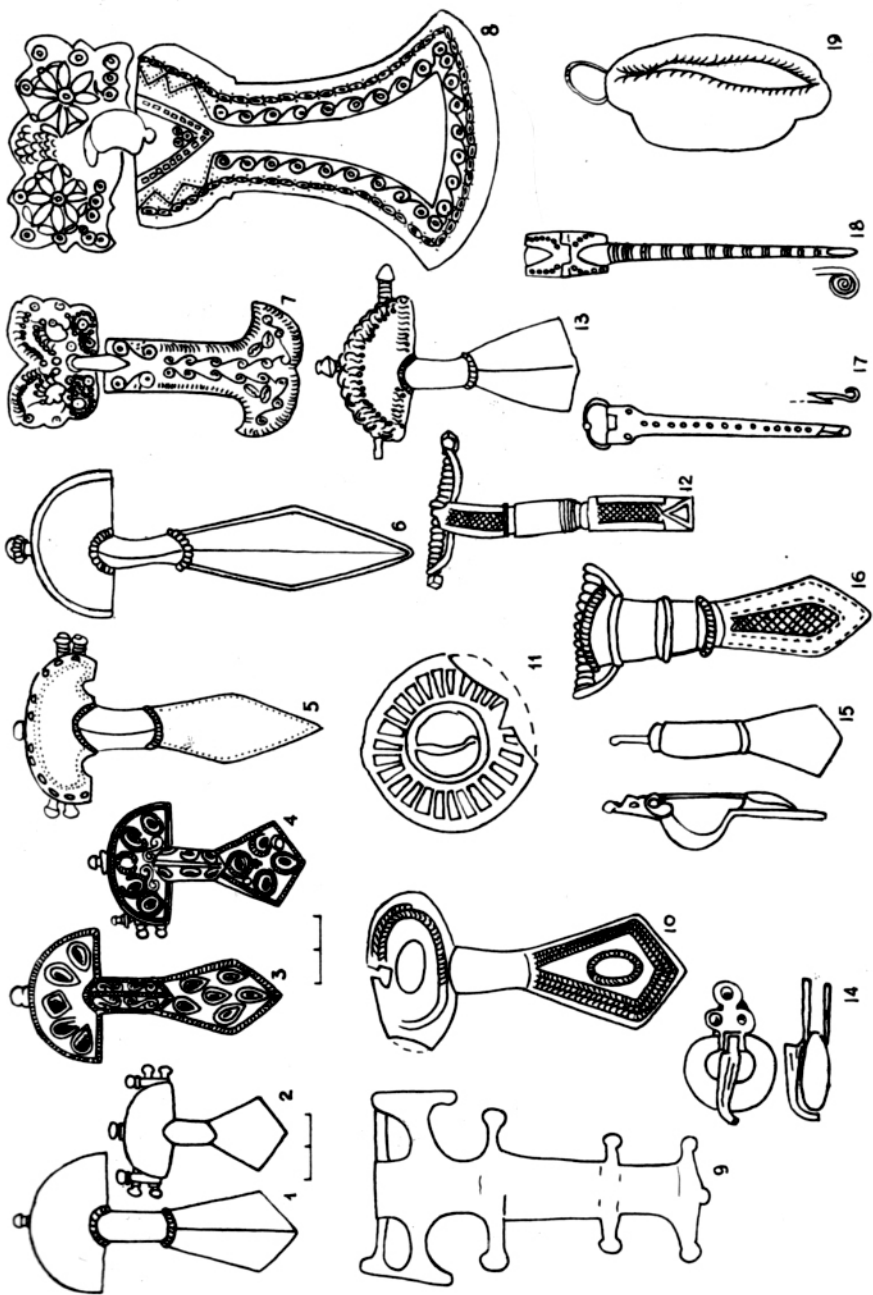
дует остановиться чуть подробнее. Считается, что культура эта едва ли существенно переживает рубеж IV и V вв., поскольку в ней не представлены находки вещей инкрустационного стиля, характерного для эпохи переселения народов. Но находки такого рода не представлены или почти не представлены и в ряде других культурных групп Европы этого времени, хронологическая позиция которых тем не менее определяется в достаточной мере надежно ранним этапом эпохи переселения народов (группа Винажице,¹² группа Нимберт,¹³ добродзеньская культура,¹⁴ вещи стиля Зёздаль¹⁵). На возможность синхронизации всех этих групп в рамках периода Д указал К. Годловский,¹⁶ не конкретизируя, однако, этого положения для черняховской культуры. Мы действительно имеем в составе черняховской культуры серию вещей, хотя и немногочисленную, синхронизирующую ее поздний этап как с упомянутыми культурными группами, так и с группами вещей инкрустационного стиля (горизонт Унтерзибенбрунн,¹⁷ Керченские склепы на Госпитальной улице¹⁸). Так двупластинчатые фибулы из склепов Керчи, датированных индикациями монет Констанция Галла (351–354), Валентиниана I (364–375) и Валентиниана II (375–392) и всем комплексом находок конца IV – первой половины V в., по пропорциям и размерам полностью соответствуют двупластинчатым фибулам черняховской культуры (вариант IAA и IAB по А. К. Амброзу),¹⁹ отличаясь от них лишь наличием инкрустационных вставок (рис. 1: 1–4). Есть в этих склепах, кстати, и двупластинчатые гладкие фибулы.

Характер находок первой группы керченских склепов²⁰ хорошо синхронизирует их с находками горизонта Унтерзибенбрунн в Центральной Европе.²¹ Унтерзибенбрунн, в свою очередь, синхронизируется со стилем Зёздаль²² (рис. 1: 8). К последнему можно отнести и вещи первой половины V века из клада в Качине на Волини²³ (рис. 1: 6, 7), а через фибулу этого клада, аналогичные черняховским находкам из Журовки²⁴ и Ранжевого,²⁵ и орнамент на пластинке фибулы из погребения 63 в Спанцеве,²⁶ выполненный в стиле Зёздаль, мы вернемся в черняховскую культуру (рис. 1: 5, 13, рис. 3).

Такую же цепочку синхронизации можно протянуть от фибулы из погребения 8 черняховского могильника Извоар,²⁷ подвязных фибул IV варианта по А. К. Амброзу,²⁸ трехслойных гребней с выступом,²⁹ загадочного металлического предмета из Рипнева,³⁰ способа орнаментации керамики линзовидными срезами по ребру сосудов – к находкам Винажице группы в Чехии³¹ и Нимберг группы в Германии³² (рис. 1: 12, 16–18, рис. 3).

Достаточно широко известна прекрасная серебряная амфора из Концешт

Рис. 1. Фибулы и другие предметы позднего этапа черняховской культуры и некоторые синхронизирующие находки культурных групп ступени Д. 1, 2 – Двупластинчатые фибулы, широко представленные в черняховской культуре (Малашты, Сынтана-де-Муреш, Гавриловка, Маслово, Черняхов, Лука-Врублевская, Спанцев, Изворул и др.); 3, 4 – Керчь; 5 – Ранжевое; 6, 7 – Качин; 8 – Унтерзибенбрунн; 9 – Компанийцы; 10 – Изворул; 11 – Борохтянская Ольшанка; 12 – Гавриловка (Овчарня); 13 – Спанцев; 14 – Косаново и другие памятники черняховской культуры (Черняхов, Маслово и т. д.); 15 – Извоар; 16 – Винажице; 17 – Рипнев; 18 – Мехолупы; 19 – Борохтянская Ольшанка, Индепенденца и др. черняховские памятники. Многочисленны и в памятниках раннего этапа эпохи переселения народов в Центральной Европе.

с ручками в виде кентавров.³³ Один из них держит в руках аналогичный по форме сосуд. Эту же форму в стекле мы найдем в комплексе погребения первой половины V в. в Монсо-ле-Неф.³⁴ Найдем мы ее в глине на черняховском могильнике Николе Бэлкеску в Румынии³⁵ (рис. 2 : 7, 10). Подражают серебряной посуде V в. и некоторые формы вытянутых кувшинов черняховской культуры (рис. 2 : 8, 11, рис. 3).³⁶

Важными находками для установления конечной даты черняховской культуры могут оказаться также стеклянные кубки типа Косино. Их известно три в черняховских погребениях: в Индепенденце,³⁷ в Извоаре³⁸ и в Малаештах³⁹ (рис. 2 : 1–3, 5). Группа же Косино представляет уже следующий этап в истории европейской культуры и относится ко второй половине V в.⁴⁰ (рис. 3).

Можно назвать еще некоторые находки, заставляющие склоняться к передвижению верхней даты черняховской культуры в пределы первой половины V в. н. э. Это двусторонний гребень из погребения 17 в Спанцеве,⁴¹ зеркальце типа Чми-Бригетта из Борохтянской Ольшанки,⁴² перекладчатая фибула из могильника Копанийцы,⁴³ кубок с синими глазками из Журавки⁴⁴ (рис. 1 : 9, 11, рис. 2 : 4, 6).

Недостаток места и времени не позволяет развернуть всю аргументацию подробнее и остается выразить надежду, что приведенная таблица иллюстрирует сказанное с достаточной долей очевидности и объективности (рис. 3).

Почти все перечисленные выше предметы конца IV – первой половины V века происходят из достоверных черняховских комплексов, погребений на черняховских могильниках, фиксируя, очевидно, последнюю фазу их развития. Однако, никакой специфики другого сопровождающего инвентаря этих погребений, особенностей обряда или расположения на могильнике заметить не удастся. Расчленение всего материала черняховской культуры на временные группы пока не получается. В этом состоит одна из специфических черт этой культуры – одновременно и гомогенной, и гетерогенной. Гетерогенной по культурным элементам, положенным в ее основу, и, вероятно, по ритмам развития отдельных ее регионов, и гомогенной из-за универсальности выработанных здесь форм инвентаря. Создание детальной относительной хронологии черняховской культуры остается еще делом будущего. Все делавшиеся до сих пор попытки в этом направлении привели к ряду верных наблюдений,⁴⁵ но не дали еще универсального ключа для хронологического членения всех памятников. Слишком велика территория этой культуры и слишком мало еще число больших полностью раскопанных могильников, позволяющих разработать горизонтальную стратиграфию. Внешние же хронологические рамки черняховской культуры удается определить лишь путем сопоставления элементов общеевропейского характера и сопоставлением с культурными группами предшествующего и последующего времени.

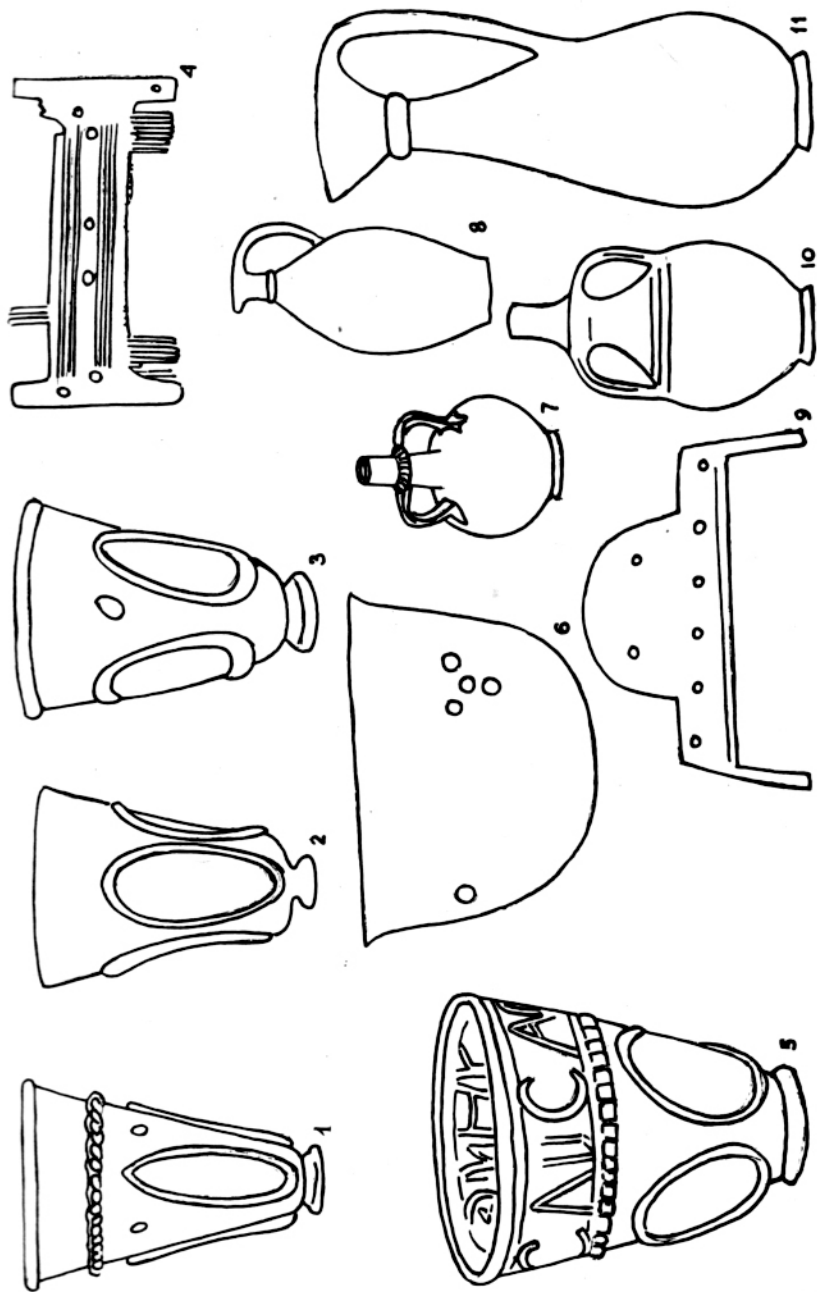

Рис. 2. Вещи позднего этапа черняховской культуры и некоторые синхронизирующие находки. 1 – Индепенденца; 2 – Извоар; 3 – Косино; 4 – Спанцев; 5 – Малаешты; 6 – Журавка; 7 – Монсо-ле-Неф; 8 – Индепенденца; 9 – Малаешты и многие другие памятники; 10 – Николе Бэлкеску; 11 – Адолина и другие памятники черняховской культуры (Спанцев, Александру Одобеску).

Исходя же из этого, получается следующее: с конца II до 60^x–70^x гг. III в. – период формирования культуры, далее до конца IV в. период расцвета, консолидации и наибольшего распространения; и с конца IV до середины V в. – период угасания.

Такое положение черняховской культуры во времени удивительно точно совпадает с рядом исторических свидетельств о событиях в Причерноморье в III–V вв. В 232 г. начинается период многочисленных походов различных групп варваров, возглавляемых чаще всего готами и именуемых в источниках чаще всего «скифами», на территорию Империи. Этому предшествовало фиксируемое археологически для конца II – начала III в. продвижение носителей культуры вельбарско-цельской и культуры пшеворской к юго-востоку и к югу, включившихся, очевидно, наряду с другими культурными группами в процесс формирования черняховской культуры.⁴⁶

В 270 г. варвары терпят крупное поражение при Наисе, начинается период относительной стабилизации и более или менее мирных отношений с Империей. Различные группы варваров объединяются в это время под властью Германариха, прожившего, по *Иордану*, около 100 лет и умершего в 375 г. при столкновении с гуннами.⁴⁷ Это время стабилизации и расцвета и черняховской культуры.

После удара гуннов вестготы уходят на юг, за Дунай, а остготы остаются на месте и только в 454 г. переселяются на запад, в Паннонию. Соответствие, как мы видим, достаточно красноречивое и вряд ли мы вправе его игнорировать (рис. 3). Никакой другой культурной группы, существовавшей в Причерноморье в этих же хронологических рамках, мы сегодня назвать не можем.

Сказанное отнюдь не означает, что черняховская культура готская и что в каждом погребенном мы должны видеть представителя этого племени. Методы современной археологии еще не достигли такой изощренности, чтобы определять племенную принадлежность или язык каждого из них, тем более для такой бурной эпохи многочисленных передвижений, сложных социальных и этнообразующих процессов, с которой мы в данном случае имеем дело. Но в ходе совместной борьбы с Империей, а затем в рамках единого политического союза у самых разных по происхождению групп населения могла выработаться единая, гетерогенная по истокам и гомогенная по облику культура. Такой пример и являет нам, вероятно, культура черняховская.

Итак, хронологическая позиция черняховской культуры никак не соответствует пласту сведений византийских авторов об антах и склавенах, основной период активности которых приходится на 527–602 гг., то есть на время, когда черняховская культура уже почти 100 лет как перестала существовать. Такое соответствие мы находим в памятниках с керамикой типа Корчак и Пеньковка. Сведения *Тацита* о венедах относятся к I в. н. э., ко времени задолго до начала формирования черняховской культуры. Лишь два свидетельства *Иордана* сопоставимы с черняховским временем: о венедах, с которыми воевал Германарих где-то на рубеже III–IV веков, и об антах, боровшихся с Винитарием в начале V в.⁴⁸ Определить среди древностей восточной Европы III–V вв. группы памятников, соответствующие этим группировкам племен – наша первоочередная задача.

Если бы мы имели в Причерноморье еще одну группу столь же удачно

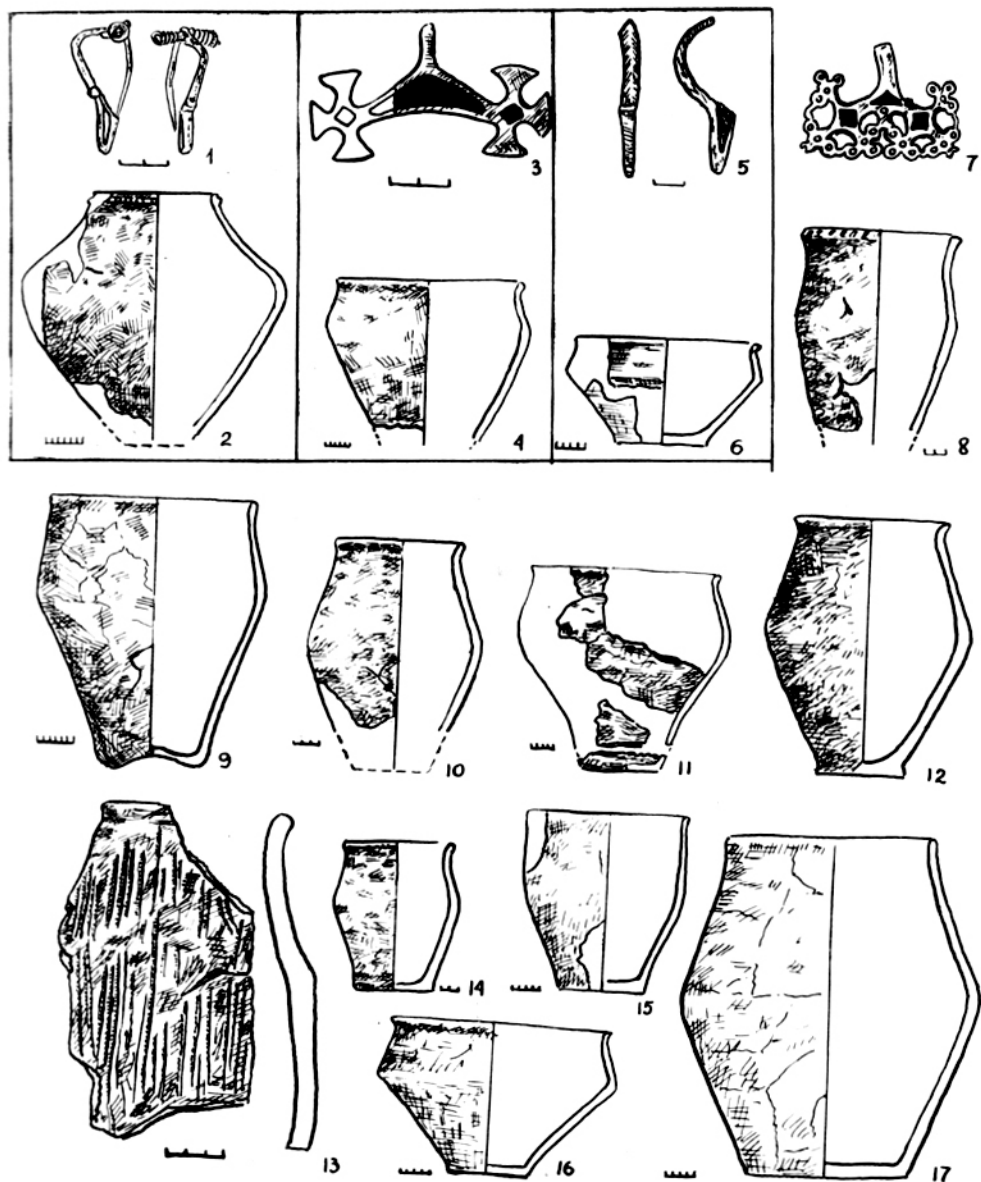

Рис. 4. Датирующие находки и основные виды керамики памятников «киевского типа». 1, 2 – могильник Казаровичи, погр. 14; 3, 4 – поселение Казаровичи, жил. 4; 5, 6 – Обухов I, жилище; 7 – Новые Безрадичи; 8 – Казаровичи, погр. 11; 9 – Казаровичи, погр. 1; 10–12 – поселение, Казаровичи; 13–15 – поселение Обухов II; 16 – поселение Обухов III.

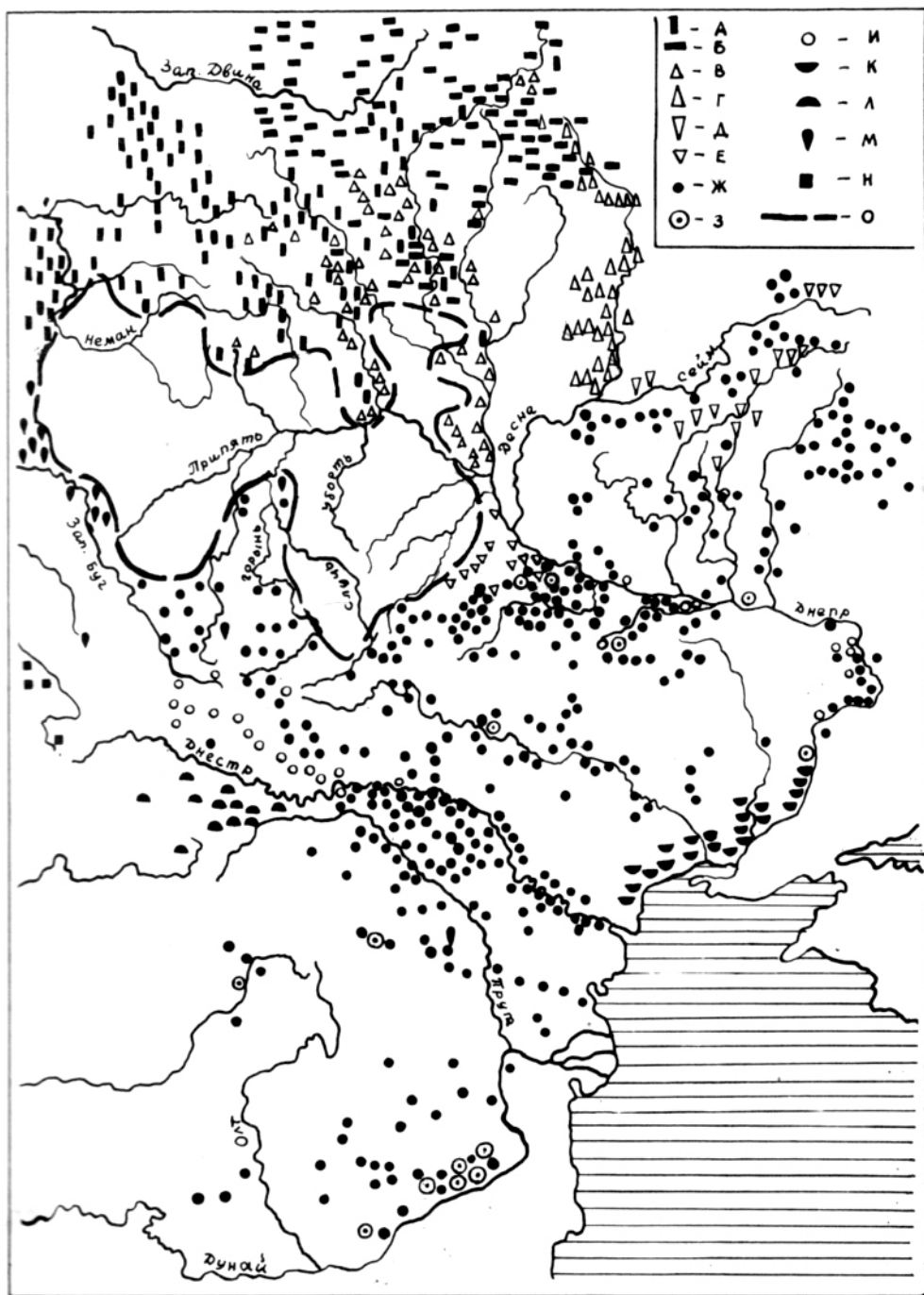
совпадающую по времени с готским присутствием, мы могли бы допустить, что под черняховской культурой в целом скрываются венеды и анты *Иордана*. Но, во-первых, такой группы нет, во-вторых, и во времена Германариха, и во время Винитария носители черняховской культуры находились и на Дунае, непосредственно на границах Империи. Вряд ли такая сила осталась бы незамеченной. В-третьих, различия между черняховской культурой и культурой славян VI–VII вв. слишком велики, чтобы в первой видеть основной источник генезиса последней.

Современное состояние материала еще не позволяет сегодня ответить на вопрос о венетах и антах *Иордана* однозначно. Возможны три, пожалуй, пока равновероятных ответа. Первый: Анты *Иордана* входили в состав черняховской культуры, были одним из ее компонентов. Тогда наиболее реальным претендентом на эту роль может стать компактная группа черняховских поселений в верховьях Днестра и Западного Буга, исследуемая *В. Д. Бараном*.⁴⁹ *В. Д. Барану* как будто удастся проследить сходство лепной керамики верхнеднестровских поселений с раннеславянской керамикой этого же региона,⁵⁰ хотя убедительно продемонстрировать перерастание черняховской культуры в раннеславянскую и в этом случае на имеющихся материалах поселений трудно.⁵¹ К сожалению, пока не найдены могильники, соответствующие этому варианту черняховской культуры.

Ответ второй: Анты *Иордана* жили в непосредственной близости от носителей черняховской культуры, но обликом культуры сильно от них отличались. Тогда наиболее реальным претендентом на эту роль может быть группа памятников так называемого киевского типа⁵² (рис. 4). Интенсивное исследование их только еще начинается. Киевским археологам уже удалось показать, что эта группа в какой-то мере синхронна черняховской культуре, проследить границу между этими культурами в районе Киева.⁵³ Ощущается здесь и зарубинецкое наследие, хотя этот вопрос, как и вопрос о соотношении киевского типа с памятниками раннеславянскими еще нуждается в специальном исследовании. Остается не совсем ясно и соотношение с памятниками типа Абидни в Белоруссии,⁵⁴ с памятниками типа курган Азак на левобережной Украине,⁵⁵ и с постзарубинецкими поселениями Подесенья.⁵⁶ Составляют ли они все некое единство или это группы различные?

Наконец, третий вариант ответа: Если картографировать древности черняхов-

Рис. 5. Карта археологических памятников III–V вв. в Восточной Европе. а – культура штрихованной керамики (по *В. В. Седову*); б – днепро-двинская культура (по *В. В. Седову*); в – памятники типа Абидни (о *Л. Д. Поболю*); г – памятники почапской постзарубинецкой культуры (по *П. Н. Третьякову*); д – памятники типа Курган Азак (по *Е. А. Горюнову*); е – памятники киевского типа (по *Н. М. Кравченко, Н. С. Абашиной и Е. Л. Гороховскому*); ж – черняховская культура (по *Е. В. Махно, Э. А. Сымоновичу, Г. Б. Федорову, Ю. В. Кухаренко, Б. Митря, К. Преда* и др.); з – памятники черняховской культуры, продолжавшие бытовать и в первой половине V века; и – черняховские поселения с углубленными жилищами (по *В. Д. Барану*); к – культура с каменным строительством (по *Е. В. Махно и Э. А. Сымоновичу*); л – культура карпатских курганов (по *М. Ю. Смишко*); м – памятники культуры вельбарско-цельской; н – памятники позднеспешеворские (по *К. Годловскому*); о – границы белого пятна относительной археологической пустоты.

ской культуры, штрихованной керамики, днепродвинской культуры, почапской культуры Подесенья и киевского типа, то в бассейне Припяти останется обширное белое пятно археологической пустоты для II–V вв. н. э., лишь в восточной части которого имеются древности типа Абидни (рис. 5). Не исключено, что в этом белом пятне еще будут выявлены памятники, которые и дадут ключ к проблеме генезиса керамики пражского типа и раннеславянской культуры.

Не исключается в конечном итоге и четвертая возможность. Все указанные выше группы, вместе с теми, которые еще предстоит найти в белых пятнах, близкие по своей структуре и поставляющие, возможно, некую культурную непрерывность, вытянувшиеся обширным поясом вдоль северного пограничья черняховской культуры от Карпат до Десны и Сейма и в некоторых районах смешавшиеся с ней (рис. 5) и были той средой, в которой зародилась славянская культура VI–VII вв. При таком подходе, как мне кажется, большинство свидетельств письменных источников о венедах-славянах и данные археологии могли бы увязаться в единую непротиворечивую картину.

Заметки и литература

¹ КЛЕЙН, Л. С.: Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии Академии наук УССР. В.: Сов. археол. 22. Москва 1955, с. 257–272. ГОЛУБЕВА, Л. А.: Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян. Сов. археол. № 4, 1957, с. 274–277.

² JORDAN, 30–37.

³ РЫБАКОВ, Б. А.: Анты и Киевская Русь. Вест. древней истор. № 1, 1939. РЫБАКОВ, Б. А.: Ремесло древней Руси. Москва 1948, с. 46–71. БРАЙЧЕВСЬКИЙ, М. Ю.: Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI–VIII ст. ст. В: Археологія. 4. Київ 1950, с. 27–55. БРАЙЧЕВСЬКИЙ, М. Ю.: Антський період в історії східних слов'ян. В: Археологія. 7. Київ 1952, с. 23. БРАЙЧЕВСЬКИЙ, М. Ю.: Основные вопросы археологического изучения антов. В: Доклады VI научной конференции Института археологии Академии наук УССР. Киев 1953. БРАЙЧЕВСЬКИЙ, М. Ю.: К истории лесостепной полосы Восточной Европы в 1 тыс. н. э. Сов. археол. № 3, 1957, с. 114–129. БРАЙЧЕВСЬКИЙ, М. Ю.: Про етнічну приналежність черняхівської культури. В: Археологія. 10. Київ 1957, с. 11–24. БРАЙЧЕВСЬКИЙ, М. Ю.: Ромашки. В: Черняховская культура. Матер. и исслед. по археол. СССР. 82. Москва 1960, с. 100–148. МАХНО, Е. В.: Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. В: Археологія. 4. Київ 1950, с. 56–77. МАХНО, Е. В.: Поселення культури полів поховань на північно-західному Правобережжю. Археол. пам'ятки УРСР. 1. Київ 1949, с. 169. СМІШКО, М. Ю.: Доба полів поховань в західних областях УРСР. В: Археологія. 2. Київ 1948, с. 107–108. СМІШКО, М. Ю.: Раннеславянские памятники на территории западных областей Украинской ССР. В.: Доклады VI научной конференции Института археологии Академии наук УССР. Киев 1953.

⁴ СПИЦЫН, А. А.: Древности антов. В: Сборник в честь Соболевского. Москва 1926.

⁵ МАХНО, Е. В.: Поселення культури полів поховань на північно-західному Правобережжю. Археол. пам'ятки УРСР. 1. Київ 1949. МАХНО, Е. В.: Ягнятинська археологічна експедиція. Археол. пам'ятки УРСР. 3. Київ 1952.

⁶ БЕРЕЗОВЕЦ, Д. Т.: О датировке черняховской культуры. Сов. археол. № 3, 1963, с. 97–111.

⁷ ТИХАНОВА, М. А.: Раскопки поселения первых веков н. э. в Луке-Врублевской. Крат. сообщ. Инст. истор. матер. культ. 27. Москва-Ленинград 1949, с. 72–74. ТИХАНОВА, М. А.: Археологиче-

ские памятники Среднего Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Крат. сообщ. Инст. археол. 2. Киев 1953, с. 15–19. ТИХАНОВА, М. А.: О локальных вариантах черняховской культуры. Сов. археол. № 4, 1957, с. 168–194. СЫМОНОВИЧ, Э. А.: О датировке поселения первых веков н. э. в Луке-Врублевской. Крат. сообщ. Инст. истор. матер. культ. 57, Москва 1955, с. 23–32. ЛЯПУШКИН, И. И.: Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного Левобережья. В: Сов. археол. 13. Москва 1950, с. 7–32. КОРЗУХИНА, Г. Ф.: К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. В: Сов. археол. 12. Москва 1955, с. 61–82. ШУКИН, М. Б.: Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор. Сов. археол. № 2, 1968, с. 41–51. АМБРОЗ, А. К.: Фибулы юга европейской части СССР. Археол. СССР. Свод. археол. источ. Д1–30. Москва 1966, с. 73. KOLNÍK, T.: K typologii a chronologii niektorých spón z mladšej doby rímskej na juhozápadnom Slovensku. Slov. Archeol., 13, 1965, с. 183–236.

⁸ РУСАНОВА, И. П.: Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. Сов. археол. № 4, 1958, с. 33–46. БЕРЕЗОВЕЦ, Д. Т.: Славянские поселения в устье Тясмина. Крат. сообщ. Инст. археол. 8. Киев 1959, с. 37–45. ХАВЛЮК, П. И.: Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья. Сов. археол., 3, 1961, с. 187–201.

⁹ ШУКИН, М. Б.: О трех датировках черняховской культуры. В: крат. сообщ. Инст. археол. 112. Москва 1967, с. 8–13.

¹⁰ EGGERS, H. J.: Der römische Import im freien Germanien. Hamburg 1951. EGGERS, H. J.: Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im Freien Germanien. В: Jb. d. Röm.-germ. Zentralmus. Mainz. 2. Mainz 1955, с. 196–244. RADDATZ, K.: Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck. Offa-Bücher. Bd. 13. Neumünster 1957. MOTYKOVÁ-ŠNEIDROVÁ, K.: Weiterentwicklung und Ausklang der älteren römischen Kaiserzeit in Böhmen. Fontes Archaeologici Pragenses. II. Praha 1967. GODŁOWSKI, K.: The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków 1970. WERNER, J.: Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München 1956. WERNER, J.: Kriegergräber aus der ersten Hälfte des 5. Jahrhunderts zwischen Schelde und Weser. В: Bonner Jb. H. 158. Köln–Graz 1958, с. 372–413. SCHMIDT, B.: Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteleuropa. Halle 1961.

¹¹ ШУКИН, М. Б.: Археологические данные о славянах II–IV вв. (Перспективы ретроспективного метода). В: Археол. сбор. Гос. Эрмитажа. Ленинград 1976.

¹² SVOBODA, V.: Čechy v době stěhování národů. Praha 1965.

¹³ SCHMIDT, B.: Neue völkerwanderungszeitliche Funde zwischen Unstrut und Ohre. В: Jschr. f. mitteleuropäische Vorgesch. 47. Halle-Saale 1963, с. 347–387. SCHMIDT, B.: Das frühvölkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Niemberg, Saalkreis. В: Jschr. f. mitteleuropäische Vorgesch. 48. Halle-Saale 1964, с. 315–332.

¹⁴ PFÜTZENREITER, F.: Eine neue spätgermanische Kulturgruppe in Oberschlesien. Nachr.-Bl. f. deutsche Vorzeit. 17. 1941. SZYDŁOWSKI, J.: Trzy cmentarzyska typu dobrodzienskiego. Bytom 1974.

¹⁵ FORSSANDER, J. E.: Provinzialrömisches und Germanisches. Meddelanden från Lunds Universitets Historiska Museum. Årsberättelse 1936–1937. Lund 1937. BÖHME, H. W.: Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts. München 1974.

¹⁶ GODŁOWSKI, K., указ. соч. (в зам. № 10), с. 106–111.

¹⁷ KUBITSCHKEK, W.: Grabfunde in Untersiebenbrunn. В: Jb. f. Altertumskunde. 5. 1911. GEISSLINGER, H.: Frühvölkerwanderungszeitliches Zaumzeugzubehör von Dahmker, Kreis Herzogtum Lauenburg. Offa. Bd. 17/18. 1959/1961. Neumünster 1961, с. 175–180.

¹⁸ ШКОРПИЛ, В. В.: Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. В: Изв. Импер. археол. Комм. 25. Санкт-Петербург 1907. МАЦУЛЕВИЧ, Л. А.: Серебряная чаша из Керчи. Ленинград 1926. ЗАСЕЦКАЯ, И. П.: О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья. Сов. археол. № 2, 1968, с. 54–56.

¹⁹ АМБРОЗ, А. К., указ. соч. (в зам. № 7), с. 77–91, рис. 4: 14; 5: 1; табл. 13: 10–13.

²⁰ ЗАСЕЦКАЯ, И. П., указ. соч. (в зам. № 18), с. 56.

²¹ TEJRAL, J.: Mähren im 5. Jahrhundert. Studie Archeol. Úst. Českoslov. Akad. věd v Brně. Jg. I, 1972, Bd. 3. Praha 1973, с. 15–24.

- ²² GEISSLINGER, H., указ. соч. (в зам. № 17).
- ²³ ПЕТРОВ, В. П. – КАЛИЩУК, А. П.: Скарб срібних речей з с. Качин Волинської області. Матер. и дослідження з археол. Прикарпаття і Волині. 5. Київ 1964, с. 88–93.
- ²⁴ СЫМОНОВИЧ, Э. А.: Отчет о раскопках Среднеднепровской экспедиции Института археологии Академии наук СССР за 1959 г. Рукопись в архиве Института археологии АН СССР в Москве, табл. XVIII: 6, 8.
- ²⁵ СЫМОНОВИЧ, Э. А.: Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье. В: История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. Матер. и исслед. по археол. СССР. 139. Москва 1967, рис. 15: 1, 2.
- ²⁶ MITREA, B. – PREDA, C.: Necropole din secolul al IV^{lea} e. n. în Muntenia. București 1966, табл. 87: 3.
- ²⁷ VULPE, R.: Izvoare. Săpăturile din 1938–1948. București 1957, рис. 327.
- ²⁸ АМБРОЗ, А. К., указ. соч. (в зам. № 19), с. 66. СЫМОНОВИЧ, Э. А.: Памятники черняховской культуры степного Приднепровья. В: Сов. археол. 24. Москва 1955, рис. 14: 8.
- ²⁹ НИКИТИНА, Г. Ф.: Гребни черняховской культуры. Сов. археол. № 1, 1969, с. 147–159. TOMAS, S.: Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit. Arbeits- u. Forsch.-Ber. zur sächsischen Bodendenkmalpflege. 8. Leipzig 1960, с. 54–215.
- ³⁰ DAŃBROWSKA, T.: Zagadkowe narzędzia metalowe z okресu wędrówek ludów. Wiad. archeol., 33, 1968, с. 389–393.
- ³¹ SVOBODA, B., указ. соч. (в зам. № 12), табл. IX: 2, 4; XXIV: 9; XXVI: 9; XXX: 8.
- ³² SCHMIDT, B.: Das frühvölkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Niemberg... (см. зам. № 13), рис. 10: о.
- ³³ MATZULEWITSCH, L.: Byzantinische Antike. Studien auf Grund der Silbergefäße der Ermitage Berlin und Leipzig 1929, с. 123–157, табл. 36–51. ФЕДОРОВ, Г. Б.: Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. Матер. и исслед. по археол. СССР. 89. Москва 1960, с. 150–152, табл. 50. СКАЛОН, К. М.: Погребение в с. Концешты в Молдавии (Византия и варварский мир). В: Краткие тезисы докладов научной конференции «Культура и искусство Византии». Ленинград 1975.
- ³⁴ BÖHME, H. W., указ. соч. (в зам. № 15), с. 323–324, табл. 131: 5.
- ³⁵ MITREA, B. – PREDA, K., указ. соч. (в зам. № 26), рис. 246: 4.
- ³⁶ Там же, рис. 56: 2; 110: 5; 219: 1; 241: 1; 262: 2.
- ³⁷ Там же, рис. 134.
- ³⁸ VULPE, R., указ. соч. (в зам. № 27), рис. 320.
- ³⁹ ФЕДОРОВ, Г. В., указ. соч. (в зам. № 33), табл. 49: 1.
- ⁴⁰ WERNER, J.: Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts aus der Slowakei und der Karpatenukraine. Slov. Archeol., 7, 1959, с. 422–438.
- ⁴¹ MITREA, B. – PREDA, K., указ. соч. (в зам. № 26), рис. 32: 2.
- ⁴² КРАВЧЕНКО, Х. М.: Поховання V ст. н. э. з с. Вільшанки на Київщині. В: Середні віки на Україні. 1. Київ 1971.
- ⁴³ МАХНО, Е. В.: Типи поховань та планування Компаніївського могильника. В: Середні віки на Україні. 1. Київ 1971, рис. 4. OKULICZ, J.: Studia nad przemianami kulturowymi i osadniczymi w okresie rzymskim na Pomorzu Wschodnim, Mazowszu i Podlasiu. Archeol. Polski, 15, 1970, с. 484–485, рис. 9.
- ⁴⁴ СЫМОНОВИЧ, Э. А.: Стекланные кубки из Журавки. В: Крат. сообщ. Инст. археол. 102. Москва 1964, с. 8–12.
- ⁴⁵ СЫМОНОВИЧ, Э. А.: Об единстве и различиях памятников черняховской культуры. В: Сов. археол. 29/30. Москва 1959, с. 84–107. СЫМОНОВИЧ, Э. А.: Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре. В: Черняховская культура. Матер. и исслед. по археол. СССР. 82. Москва 1960, с. 197. IONIȚA, I.: Das Gräberfeld von Independența. Bonn 1971.
- ⁴⁶ ЩУКИН, М. Б.: «Европейская Сарматия» и черняховская культура (Хронологические соотношения). Автореферат диссертации. Ленинград 1971.
- ⁴⁷ JORDAN, 130.

⁴⁸ JORDAN, 119, 246–250.

⁴⁹ БАРАН, В. Д.: Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга. В: Древности эпохи сложения восточного славянства. Матер и исслед. по археол. СССР. 116. М1964. БАРАН, В. Д.: Деякі підсумки дослідження поселень черняхівського типу у верхів'ях Дністра і Західного Бугу. В: Слов'яно-руські старожитності. Київ 1969. BARAN, V. D.: Siedlungen der Černjachov-Kultur am Bug und oberen Dnestr. Z. f. Archäol., 7, 1973, s. 24–66.

⁵⁰ БАРАН, В. Д.: До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу в межиріччі Дністра і Західного Бугу. В: Матер. і дослідження з археол. Прикарпаття і Волині. 3. Київ 1961. БАРАН, В. Д.: Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ 1972, рис. 23.

⁵¹ ЩУКИН, М. Б.: О трех датировках черняховской культуры. В: Крат. сообщ. Инст. археол. 112. Москва 1967. ЩУКИН, М. Б.: О начальной дате черняховской культуры. В: Materiały konferencji „Kultury archeologiczne i strefy kulturowe w Europie środkowej epoki wpływów rzymskich”. Kraków 1976.

⁵² ДАНИЛЕНКО, В. Н.: Славянские памятники I тыс. н. э. в бассейне Днепра. Крат. сообщ. Инст. археол. АН УССР, 4, Москва 1955, с. 27–29. ДАНИЛЕНКО, В. Н. – ДУДКИН, В. П. – КРУП, В. О.: Археолого-магнитная разведка в Киевской области. В: Археол. исслед. на Украине в 1965–1966 гг. 1. Киев 1967. МАКСИМОВ, Е. В. – ОРЛОВ, Р. С.: Поселение и могильник второй четверти I тысячелетия н. э. у с. Казаровичи близ Киева. В: Раннесредневековые восточнославянские древности. Ленинград 1974. КРАВЧЕНКО, Н. М. – АБАШИНА, Н. С. – ГОРОХОВСЬКИЙ, Е. Л.: Нові пам'ятки I тисячоліття н. е. в Київському Поднепрів'ї. В: Археологія. 15. Київ 1975.

⁵³ КРАВЧЕНКО, Н. М. – АБАШИНА, Н. С. – ГОРОХОВСЬКИЙ, Е. Л., указ. соч., с. 97–98, рис. 1.

⁵⁴ ПОБОЛЬ, Л. Д.: Белорусское Поднепровье в I тысячелетии нашей эры. В: I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej, 2. Warszawa 1969, с. 306–318. ПОБОЛЬ, Л. Д.: Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья. В: Древности Белоруссии. Минск 1969.

⁵⁵ ГОРЮНОВ, Е. А.: Некоторые вопросы истории днепровского лесостепного Левобережья в V – начале VIII веков. Сов. археол. № 4, 1973, с. 99–112.

⁵⁶ ТРЕТЬЯКОВ, П. Н.: Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Москва-Ленинград 1966, с. 220–230. ТРЕТЬЯКОВ, П. Н.: Древности второй и третьей четверти I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье. В: Раннесредневековые восточнославянские древности. Ленинград 1974.